

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1923

КНИГА
ПЯТАЯ
АВГУСТ
СЕНТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Солдатские песни и сказки.

(Из книги „По следам войны“.)

Л. Войтоловский.

Всю войну 1914—1917 г.г. я провел на фронте. Перебрасываемый из части в часть и участвуя во многих походах и операциях, я был свидетелем тех страшных событий, под давлением которых и в солдатской толще, и внутри населения, терзаемого войной, создавались новые чувства, складывались новые планы, рождались новые люди новой жизни, полные чуткого ожидания, глубокой вдумчивости и напряженного, мстительного гнева. Мимо меня прошла вся Россия. Солдаты, офицеры, врачи, мужики, евреи, ксендзы, арендаторы, польские помещики, колонисты, женщины, старики, дети... Все они жаловались, проклинали, требовали, ненавидели, плакали, умирали. И все, что я видел и слышал, все их измученные слова и взволнованные чувства я тут же, по горячим следам, заносил в свои дневники. Так сложилась большая четырехтомная книга „По следам войны“, печатающаяся в Государственном Издательстве. Мои записки — это вопли и жалобы воюющей армии и измученного населения; слова, рожденные на кровавых полях и свалявшиеся в вонючих окопах в огромные комья браны, желчи и гнева, пропитанные кровью и гноем войны. Но среди этих кровавых сгустков и грязных окопных плевков попадаются слова, которые светятся дыханием большого таланта и обвеяны прелестью могучего творческого порыва. Таковы многочисленные песни, сказки, пословицы, поговорки и надгробные надписи, возникшие на полях сражений и позроляющие нам заглянуть в тайники народной души. Некоторые из этих сказок и песен,—в виде случайных, ничем не связанных между собой отрывков,—и приводятся мною ниже.

Солдатские песни.

Прощальная.

То не тучка к месяцу прижимается,
Как и плачет женушка, надрываеться:
Ты вернись-вернись, сокол ясный мой,
Я — что травушка, ты — как дуб лясной...

Брось, жена, рыданье понапрасное.
 Ты взойди-взойди, солнце красное,
 Кровь-войну пригрей да повысуши,
 Про житье солдатское да повыслушай:
 Как и день идешь, как и ночь бредешь,
 Крест да ладанку на груди несешь.
 А в груди тоска — рана жгучая —
 Не избыть судьбу неминучую.
 А как всем людям здесь судьба одна,
 Как судьба одна — смерть-страшна война...

Разгульная.

Уж как я лъ молодец
 Не в красе живу:
 Красны девушки —
 Пули рѣзвые,
 Молодые молодушки —
 Ядра медные.
 Хорошо мне песни петь —
 Сыт по горло я.
 Я и я лъ сиротец
 Лег, не ужинал,
 По утру рано встал —
 Да не завѣракал.
 Я без хлеба сыт,
 Сыт без соли я,
 Не дождаться мне
 Вольной-волюшки.
 Эх, пойду ли я, сиротинушка,
 С горя в темный лес.
 В темный лес пойду
 Я с винтовочкой.
 Сам охотою пойду,
 Три беды я сделаю:
 Уж я первую беду —
 Командира уведу,
 А вторую как беду —
 Я винтовку наведу,
 Уж я третию беду —
 Прямо в сердце попаду.
 Ты рассукин сын начальник,
 Будь ты проклят!..

- Война не жена: со двора не прогонишь.
- Хвали рожь в стогу, а начальство в гробу.
- Солдатскими мозолями офицеры сыто живут.
- Не велик прaporщик пан, да офицером напхан.
- На войне замки ржавые, а ребята бравые.

Хоровые окопные песни.

1.

Ой, не спится в ночь осеннюю.
 Льются слезы, слезы частые,
 Подкатилось горе лютое,
 Подкатилось, присосалось.

Сирота ль ты, сиротинушка,
 Горемычна головушка,
 Да ты спой-ка с горя песенку
 Про житье свое военное.

Не крутà гора, не горушка
 Ты тяжкà — высока крученъка
 Середь поля-долу чистого
 Из костей мужицких выросла.

Где катилась речка малая,
 Еерег с берегом не сходится:
 Опоили землю-матушку,
 Опоили кровью русскою,
 Кровью русскою, солдатскою.

Уж ты смой, вода студёная,
 Ты стуши нам раны жгучие.
 Припокровь сосна зеленая
 Ты головушки победные...

2.

Не берлоги там звериные,
 То солдатские квартирушки —
 Залегли окопы черные
 В чистом поле — на раздолыце.
 Поперек легли — отрезали
 Все пути нам, все дороженьки
 На родную, милу сторону.

Ах, ты пуля, пташка вольная,
 Пуля резвая, порхливая,
 Ты лети, лети на родину —
 Отнеси ты утешеньице:
 Вы терпите, детки малые,
 Вы крепитесь, жены милые,
 Уж вы, матери, порадуйтесь
 На житье-бытье окопное.
 Сладко пожито - похожено,
 Вволю корушки поглощено,
 Опились слезами дò-пьяна,
 Опоили землю-матушку,

Опоили кровью дё-тошина.
День да ночь мы Богу молимся,
Оглушили небо дё-глуха.
Божья церковь — яма черная;
Образа, вить, часты выстрелы;
А попами — пушки гулкие,
Что поют про наши душеньки.
Пашню пашем мы в глухую ночь,
Не сохой — штыками, бомбами,
Не целом молотим — пулями
По немецким по головушкам...

3.

Покрыты костями карпатские горы.
Озера мазурские кровью красны,
И моря людского мятежные взоры
Дыханьем горячим полны.
Зарницами ходит тут пламя пожаров,
Земля от орудий тут в страхе дрожит,
И вспаханы смертью поля боевые,
И много тут силы великой лежит.
Как свечи — далекие звезды мерцают,
Как ладан кадильный — туманы плывут,
Молитву отходную выюги читают,
И быстрые реки о смерти поют.
Тут синие дали печально повиты,
О родине милой тревожны тут сны,
Разбито тут тело, и души разбиты,
И горем и бредом все думы полны...

4.

Я ранен, товарищ, шинель расстегни мне,
Подсумку скорее сними,
Дай вольно вздохнуть; и в последний разочек
Ты крепче меня обними.

Не в силах я больше... изранены ноги...
Горячая пуля, как жало, впилась.
Кровавым туманом закрылись дороги,
И по небу кровью заря разлилась...

Да где ж ты, товарищ? тебя уж не вижу...
Ты крест, что жена навязала, сними.
И если не ляжешь со мною ты рядом,
Смотри — повидайся с детьми.

Жену не увидишь — недавно зарыли!
Остались сиротки одни.
Скажи им, чтоб знали... чтоб знали всю правду
Про муку про нашу они.

Скажи им: отец на далеких Карпатах
Засеял не мало земли,—
И севом богатым в карпатскую землю
Солдатские кости легли.

Костями, да громом, да гневом безмерным
Засеял и кровью полил.
И в час свой предсмертный, о вас вспоминая,
Он с верой в посев свой почил.

И, если он сам не собрал урожая,
Скажи им,—пусть знают и ждут,
Что мертвые кости с далекого края
Еще за ответом прийдут.

Солдатские сказки.

Сказка о том, как началась солдатская служба.

...Раньше все мирно жили, по-людски; никаких войск не было и воевать не воевали. А как стал султан противу других силу собирать, видит царь, что все султан себе заберет, ни клинышка не оставит, и послал царь к мужикам подмоги просить. Так и так, говорит, ни чашечка радости не имею: навалился султан на мою землю, хочет красу царевну в полон забрать, помогите, мужички, горю православному. Вас, мужиков, большие тыщи, много ли вашей судьбы уйдет—самые пустяки! А мне большую приятность сделаете, во век жизни не забуду. Распалились мужички, удержу нет. Разбили они все войско султанское, забрали землю турецкую, и прямо с большого бою назад, в деревню к себе. Только в деревню пришли — глядь: ан царь-те снова к себе зовет. Да не просто зовет, а с вывертом. Дома-то у мужика что? Дома—жизнь тесная, тараканы, грязища и дух мужицкий густой. А царь, вишь, чтобы к войне-то мужиков приохотить, давал им в обед баранину и кашу молошную, и по чарке водки; одно слово, не обед, а как поминки за богатым покойником. Известно, мужикам и понравилось у царя служить. Как пришли они опять на службу царскую, царь и давай улещивать мужиков, чтобы они у него навсегда остались. Вы, говорит, и воевать никогда не будете, а есть-пить вдовсталь. Ну, вот и остались у него мужики. Спервоначалу оно так и было, как царь говорил, а как старый царь помер, объявили мужики новому царю: „Буде; отвоевалися; не хотим больше служить“. Только вынул это царь грамоту печатную, а на нее старый царь печать свою приложил златым своим перстнем, а по перстню слова такие: „Всегда, отныне и до веку“. И остались мужики, как под замком каменным. С той поры и пошла служба царская...

Сказка про Тишку-разбойника.

...Едет раз мужичек. На возу клади сто пудов. И на хорошей бы лошади—ни тпру, ни ну. А у мужичка лошаденка плдхонькая и по клажа барская: с которой стороны чужую кладь ни поверни—все тя жело!.. Едет [мужик с возом, мычит, кряхтит — помереть [впору. А на встречу ему шестериком сам барин. Поровнялся с мужиком:

— Стой!—кричит барин.—Отчего у тебя, сукина сына, лошадь не везет?

И давай греметь и костить.

Ан глядь — вырос из-за куста мужик, снял шапку, поклонился барину до земли и говорит:

— Пожалуйста, барин, ваше благородие, окажи ты такую милость мужику-дураку, подари ему левую пристяжную.

Как взъеропенится, как загремит барин:

— Как ты смеешь, дурак ты этакий, мне говорить такое? Да я тебя!..

— Уж сделай милость, барин,—пристает мужик,—подари мужику левую пристяжную.

Еще пуще разоряется барин:

— Да как ты смеешь?! Да знаешь ты, что я с тобой сделаю? Да кто ты такой?

— Осмелюсь вашей милости доложить, человек я простой да маленький, а прозываюсь я—Тишко-вахлак.

Как услышал барин, что перед ним Тишко-разбойник стоит, куда прыть вся делась.

— А,—говорит,—здравствуй, Тишенька! бери лошадь, какая нравится. Пусть мужичек доедет с богом до дому, а я и пятериком доберусь, лошади ничего не сделается... После только пусть назад и приведет.

— Нет, уж, барин хороший, подари, пожалуйста, мужичку совсем лошадку! Не изволь, барин милостивый, отнимать лошадки у мужика. Не для себя прошу, прошу для твоего же здоровья.

— Изволь, Тиша, изволь! Я для тебя, Тишенька, и совсем могу это сделать, могу совсем подарить! Изволь, изволь, миленький!

Припряг мужик к возу левую пристяжную, взмахнул кнутом и в полчаса до дому доехал. Да еще и после сколько на той барской лошади ездил.

— Мудреная сказка,—ухмыляются солдаты.

— Ай не вдомек?.. может, война-то и есть тот самый Тишко-разбойник, что от барской шестерки левую пристяжную мужику отдать хочет...

Судья праведный.

Жила в одном городе девушка-красавица. Ведьма не ведьма, а на кого взглянет — так и околдует.

Ничего весь день не делает, только ходит по уличке да красу девичью показывает.

И такой она красоты была, что краше ес на всем белом свете не сыскать. Сама светлая; руки белые; ступит — лебедь плывет; глаза, — как камни самоцветные. Улыбнется — ровно радуга по лицу пройдет. А как глянет парню в лицо — так нутро у парня, как селезенка у мерина, играет.

Вышла раз девушка на улицу погулять, а навстречу ей сиротец-удалец, горе-вдовий сын.

— Здравствуй, — grit, — раскрасавица. Дозволь поцеловать тебя в губы алые, в уста сахарные.

— Изволь, — отвечает девушка, — целуй! Только допрежь оброкуплати.

— Какой такой оброк?

— Дай 20 рублей — приду к тебе ночевать. А без того — не замай. Усмехнулся сиротец, горе-вдовий сын:

— У меня и полтины сроду не было. Где же мне таких денег добыть?

— Ну, так проваливай себе мимо.

День прошел, другой прошел. Вышла девушка по уличке погулять, а навстречу ей опять вдовий сын.

— Здравствуй, раскрасавица! Дозволь в губы алые, в уста сахарные поцеловать.

— Заплати оброк — на всю ночку приду к тебе.

— Откуда ж мне денег таких добыть?

— Тогда уходи. Нет мне от тебя прибыли — и любви моей не будет тебе.

Засмеялся сиротец, горе-вдовий сын.

— Эх, ты, девка обманная. Много тебе красоты дадено, а жалости никакой.

И сполюбилась ему с той поры девка, нет ему никого на свете милей. Ходит, как пьяный; только об ней и думает. До чего ни возьмется — все промеж рук, как вода, бежит.

А девка, знай, все свое твердит.

— Заплати 20 рублей — тогда и владей.

Долго ли, коротко ли, только встречает раз сиротец, горе-вдовий сын раскрасавицу свою, низко ей в пояс кланяется, смеется от радости:

— Спасибо тебе, красавица, за ласку сладкую.

Смотрит девушка, толку не доберет.

— С чего это ты? — спрашивает она парня.

А сиротец, горе-вдовий сын, давай бахвалиться:

— Ночку всю ты у меня под боком была. Сама пришла и сама ласкала, не противилась больше. Уж так-то тепло мне было, так сладко целовал-миловал тебя, что и сказать не могу.

Рассердилась красавица, слова зазорные говорит, глаза от злости огнем горят. А потом как крикнет:

— Плати, вдовий сын, оброк. Давай 20 рублей!

— За что тебе 20 рублей, коли это мне все во сне предсталось?

А та все об одном:

— Сам рассуди. Ночью тепло под боком было? Тебя целовала-миловала? Слова умильные говорила? До тебя тулилась и ластилась? Так не все ли тебе одно, во сне ли представилось или я сама тебя допустила? Плати оброк — по порядку.

— Совсем ты ума решилась, девка. За что ж я платить тебе стану, коли не ты меня допустила, а во сне я к тебе посватался?

— Ну, и мне не расчет. Пойдем на суд к судье праведному.

А был в том городе праведный судья. Брат ли с братом спорит, хозяин ли у работника урвет, муж ли с женой поссорится,—всякое недовольство к судье несут, и всем он солнышком светит.

Подумал вдовий сын:

— Ин, ладно,—говорит,—пойдем к судье праведному: как он рассудит, так и будет.

Вот пришли они на суд к судье праведному.

— Рассказывай, красавица, в чем твое прошение.

— Ищу с вдовьего сына 20 рублей — по договору. Тепло я у него под боком лежала, целовала-миловала, умильные слова говорила, тулилась да ластилась, а он — горе-вдовий сын — денег платить не хочет.

— А ты что скажешь, горюн? — спрашивает судья праведный у вдовьего сына.

— А то я, судья праведный, по всей правде скажу, что не сама ко мне девушка в постель легла, а привел ее в мой дом сладкий сон. Ничего она про то не знала, не ведала, а сам я ей про все рассказал, как мне во сне представилось, что тепло под боком красавица лежит и ласкает меня, не противится.

Как смола горячая вскипела красавица:

— Ах, ты, вдовий сын, сиротец-удалец, ты скажи судье праведному: запрыгало ль у тебя сердце в груди, когда меня увидал? Целовал ли ты меня до-сыта? Противилась ли я ласкам твоим? Ни к чему я тебя не приневолила, сам к себе привел, сам ласкал-целовал, значит — должен платить по договору.

— Хорошо, — сказал судья праведный. — Выслушал я тебя, красавица, и тебя, вдовий сын. Теперь — принеси ты мне, красавица, зеркало, а ты — вдовий сын, дай мне в руки 20 рублей. — Потом взял судья зеркало. Поставил его перед красавицей. Деньги перед зеркалом на стол положил. И спрашивает красавицу:

— Видишь в зеркале 20 рублей?

— Вижу, судья праведный.

— Вот и бери себе те деньги, что в зеркале лежат.

Побледнела красавица и говорит:

— Как же я эти деньги возьму, коли не деньги это, а тень зеркальная?

— Так, красавица, так. Только скажи ты мне по правде — по совести: тебя ли, твое ли тело теплое вдовий сын целовал-обнимал или тень зеркальную, что во сне ему представилась?.. А коли так, значит

все твое при тебе осталось; ничего твоего не убавилось. Так пускай же и деньги его уговорные при нем целы будут. Тебе, вот, за ласки сонные—деньги зеркальные. А ему за деньги зеркальные—сны поцелуйные.

И отдал судья праведный парню 20 рублей...

Рассказчик помолчал и потом лукаво добавил:

— Вот то-то и оно. На копейку много бумаги купить можно—написать обещаний всяких... Да что проку в них! Барская милость—что кисельная сътость. Слюннул и нет ее. Одно слово—тень зеркальная.

Сказка о том, как богатый мужик хотел жизнь воротить, чтобы по-праведному жить.

Жил-был на свете богатый человек, грешил долгий век. А как до смерти додрессился, заплакал-затужился:

— Не хочу живота лишиться.
Боюсь в гроб ложиться.
Хочу назад жизнь воротить,
Чтобы по-праведному жить.

Человек богатый захочет—и ангел с неба прискочит. Мощной тряхнет—и от смерти заступника найдет. Потребовал богатый мужик:

— Зовите ко мне знахаря, звездочея, да пахара.

Пришел знахарь-ведун, старый колдун. Глаз жабий, язык бабий. Говорит ему богатый мужик:

— Не хочу итти в могилу; вороти мне, знахарь, молоду мою силу. Отвесил знахарь поясной поклон и затянулся бабьим голосом:

— Взойди, месяц, средь небес
Ты шуми-шуми, темный лес.
Все мне поклонны:
И мужья, и жоны,
И дьяки, и поддьяки,
И бабы враки,
И бедные, и богатые,
И тощие, и брюхатые,
И пестрые власти,
И злые напасти,
И нищие, и знатные,
И щиты булатные,
Но противу могилы—
Нет во мне силы.

Рассердился богатый мужик и прогнал знахаря.

Пришел звездочей-огонь из очей; рубаха красная, поддевка атласная; голова белая, повадка смелая; борода длинная, душа козлиная.

Говорит ему богатый мужик:

— Хочу назад жизнь воротить, чтоб по-праведному жить.
Отвечал звездочей-огонь из очей:

— Ни тебе рев звериный,
Ни коготь орлиный,
Ни нож, ни яд,
Ни вострый булат,
Ни злая корча,
Ни бабья порча.
Давно на свете гуляю,
А такого средства не знаю;
Нет такого лекарства
На все государство.

Рассердился богатый мужик и прогнал звездочея.
Пришел пахарь-мужик, сам невелик; грудь чахлая, рука дряхлая;
глаз приветливый, до всего приметливый.

Говорит ему богатый мужик:

— Хочу жизнь назад воротить, чтоб по-праведному жить.
Отвечал мужик-невелик:

— Коли ты от чистого сердца.
Найдутся такие дверцы,
А коль от лукавства, брат,
Не миновать тебе пекельных врат.

— Да уж от чистого сердца... Не мучь!
— Так вот тебе к дверцам ключ:

На самом закате,
В новой горенке, в хате,
В нову горенку войти,
Чисту душеньку найти,
На самом на закате
Луч последний поймати.
Выколи глаз у младенца,
Заверни во вдовье полотенце,
Дай ишу безногому человеку,
Прикажи нести за дальние реки.
Итти все прямо да прямо,
А за речкою яма
А на речке мост,
А за речкой погост.
По бокам смотри,
Смело говори:
В воде—черти,
В земле—черви,
Хочу вас изловить
И в карман посадить.
А как сова крикнет,

К могилке приникни;
Говори смело:
Выходи, дед, на дело;
Полетим мы оба
По чащам и трущобам
В полночь глухую
На гульбу бесовскую,
На промысел опасный.

- Если на такое согласен, сможешь наново жизнь воротить.
Обрадовался богатый мужик:
- Все сделаю сам, никому спуску не дам!
Только вымолвил — ан пахарь и сгинул с глаз. А уж черти вокруг
богатого мужика так и пляшут:
- Вот так праведник! Спускайся к нам в пекло, продана душа.
- Правильные твои слова. Правильный сказ. Через войну уж какое
спасение? Война — как ведьма лютая: с ней как раз в пекло угодишь.